АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 94 (571.56+902.03)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-1/5-15

А.А. Сулейманов*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ ЯКУТИИ В 1950-е – 1970-е гг.

На основе анализа научной литературы и архивных материалов в статье реконструирована история проведения археологических исследований в арктических районах Якутии в 1950-е – 1970-е гг. Автором выявлены персональный состав и география реализованных инициатив, определены их основные направления, проанализирован вклад участников изысканий в аккумуляцию научных сведений об истории заселения региона и выявление археологических памятников в Заполярной Якутии.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, научные исследования, экспедиции, археологические культуры

The USSR Academy of Sciences and archaeological study of the Yakut Arctic, 1950s – 1970s. ALEXANDER A. SULEYMANOV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Analyzing existing literature and archival materials, the article reconstructs the history of archaeological research in the arctic regions of Yakutia in the 1950s – 1970s. The author identifies the participants and routes of the main expeditions, estimates their contribution to the discovery of new archeological sites and the study of the history of human settlement in the Yakut Arctic.

Keywords: Arctic, Yakutia, USSR Academy of Sciences, research, expeditions, archaeological cultures

Расположенная за Северным полярным кругом арктическая зона Республики Саха (Якутия) включает 13 районов (улусов), которые занимают гигантскую площадь, сравнимую с территорией трех Франций (Рис. 1). Эти районы объединяет суровый даже по меркам Якутии климат, крайне неразвитая инфраструктура, состояние которой в том числе обуславливает необходимость использования специфического

и трудного механизма организации снабжения, называемого «Северным завозом». В недрах арктических районов хранятся богатейшие месторождения алмазов, углеводородов, благородных и редкоземельных металлов. Наконец, они являются местом традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера – носителей уникальных арктических культур: долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров, а также

* СУЛЕЙМАНОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: alexas1306@mail.ru

© Сулейманов А.А., 2019

Рис. 1. Карта арктических районов Якутии

сохранивших традиционный образ жизни русских старожилов. Все это, как представляется, позволяет рассматривать арктические районы Якутии в качестве особого, имеющего значительную специфику, ареала, который требует отдельного внимания ученых. Одним из проявлений этого внимания, безусловно, является интерес к изучению древнейшего прошлого данного региона, дающего возможность пролить свет на историю заселения Арктики человеком, пути его адаптации, этногенез аборигенных этнических сообществ и многое другое.

В данной статье предлагается рассмотреть деятельность археологов по изучению арктических районов Якутии в период становления в республике сети учреждений ведущего исследовательского центра страны – Академии наук СССР.

Предваряя краткий анализ опубликованных работ, имеющих отношение к обозначенной проблеме, необходимо отметить их главную особенность – все они были подготовлены не историками науки, а археологами. Данное обстоятельство, естественно, наложило серьезный отпечаток на ракурс и характер этих исследований. В целом же можно выделить три условных историографических блока. В рамках первого рассматривалась история отдельных инициатив, реализованных в арктических районах Якутии [2; 7; 13; 15 и др.]. Ко второму

блоку относятся изыскания, которые касались анализа крупных археологических проблем – истории палеолита, неолита и т.п. [1; 8; 12 и др.]. Следует отметить, что в обоих случаях речь зачастую идет о материалах, представленных авторами в качестве введения к описанию собственных полевых работ и характеризующих степень изученности того или иного вопроса. Наконец, третий условный историографический блок включает обобщающие исследования по истории археологии в республике. В первую очередь, речь идет о докторской диссертации Н.Д. Архипова «Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII – XX вв.)» [3]. В работе прослежена история развития археологического знания в Якутии, предложена ее авторская периодизация, выделены ключевые события. Вместе с тем, ее автор не рассматривал специально изыскания, осуществленные в арктических районах, и в принципе решал несколько иные задачи, касающиеся подведения итогов того, что было сделано археологами, определения «белых пятен» и лакун, на которые должны были быть направлены будущие исследования. Обзор историографии, таким образом, свидетельствует о том, что ранее не предпринималось попыток проанализировать и обобщить историю археологического изучения арктических районов Якутии в заявленный период. Между тем, представляется, что раз-

работка эффективных программ исследования региона возможна лишь на основе концептуализации и корректной интерпретации предшествующего опыта.

Этот опыт в арктических районах Якутии насчитывает уже более двух веков. В поле зрения ученых местные археологические памятники попали вскоре после организации систематических экспедиционных работ в Азиатской Арктике. Так, участник Северо-восточной географической и астрономической экспедиции 1785–1793 гг. Г.А. Сарычев осуществил на севере Якутии изыскания, положившие, по мнению А.П. Окладникова, начало полярной археологии как науки [9, с. 17]. В 1787 г. этот исследователь обнаружил в 70 км к востоку от устья Колымы «обвалившиеся земляные юрты» и произвел их обследование [10, с. 17]. Любопытно, что И.Е. Зыков считает эти работы «первыми научными раскопками» в истории Якутии [6, с. 17]. Археологическое изучение современной территории республики, таким образом, по его мнению, началось именно с ее арктических районов.

Позапрошрое столетие также было отмечено отдельными и, как правило, случайными археологическими находками, сделанными в том числе за Северным полярным кругом. Определенный импульс этому процессу придало появление в Якутии в последней четверти XIX в. значительного числа образованных людей – политических ссыльных, ставших здесь по воле судьбы исследователями местной истории, культуры и языков коренных народов. Однако исследования древней истории Якутии продолжали носить спорадический характер вплоть до конца первой трети XX в.: единичные работы, которые все же имели место, проводились отдельными энтузиастами, а не специалистами-археологами [3, с. 27–41].

Первыми же профессиональными археологическими исследованиями в Якутии, затронувшими в том числе и арктические районы, стали работы участников Ленской историко-археологической экспедиции 1940–1946 гг. Экспедиция была организована Научно-исследовательским институтом языка и культуры (НИИ ИЯК) при Совнаркоме Якутской АССР и проводилась под руководством будущего академика А.П. Окладникова, приглашенного из Института истории материальной культуры Академии наук (АН) СССР. В 1942–1943 гг. исследователи осуществили изыскания в нижнем течении р. Лена, а в 1946 г. археологической рекогносцировке

подвергся бассейн р. Колымы, где были открыты стоянки Помазкино, Лабуя, Кресты Колымские [3, с. 43–45].

Однако проведенные А.П. Окладниковым изыскания свидетельствуют скорее о роли личности в истории, чем о начале систематического археологического изучения арктических районов Якутии. Последнее было крайне затруднительно без появления в республике исследовательского центра, укомплектованного соответствующими специалистами. В результате после отъезда А.П. Окладникова из Якутии в том же 1946 г. целенаправленные поиски стоянок древнего человека в арктических районах вновь прекратились.

В этом отношении мало помогло даже создание в республике первоначально Якутской базы (1947 г.), а затем Якутского филиала (ЯФ) Академии наук СССР (1949 г.), куда был передан НИИ ИЯК при СНК ЯАССР, получивший новое название – Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Несмотря на рост штатной численности сотрудников, в том числе за счет специалистов, приглашенных из центральных научно-исследовательских учреждений страны, в институте долгое время не было археологов.

В результате отдельные археологические изыскания, вызванные скорее находками местных жителей, чем целенаправленными научными поисками, были вынуждены проводить ученые, имеющие другой профиль исследований. Так, в 1952 г. этнограф И.С. Гурвич в ходе своих изысканий в низовьях Индигирки произвел археологические раскопки позднеэнеолитической стоянки человека на Татьянинном озере, которую обнаружил годом ранее директор Чоккурдахской школы И.Т. Тирских. Кроме того, ученый осуществил разведку в местах старинных поселений, где располагались т. н. чандалы – деревянные жилища-полуземлянки, известные по работам путешественников и исследователей XVIII – начала XX вв. (Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, далее – РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247. Л. 70–71). Отдельные случайные находки делали также участники геологических экспедиций.

Лишь в 1959 г., после фактически тринадцатилетнего перерыва, на севере Якутии были проведены достаточно масштабные археологические изыскания. Эти работы осуществлялись участниками археологического отряда Юкагирской комплексной экспедиции (ЮКЭ), организованной ИЯЛИ ЯФ СО (институт к этому

времени вошел в состав созданного Сибирского отделения) АН СССР. В состав отряда входили: директор института, историк З.В. Гоголев, недавно принятая на работу молодой археолог С.А. Федосеева, а также топограф А.Г. Степанов и один рабочий, имя которого на данный момент, к сожалению, установить не удалось (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 356. Л. 2).

Перед специалистами стояли две основные задачи: проведение археологической разведки и раскопки ранее выявленных исторических памятников (могильники, поселения) в районах деятельности экспедиции – бассейнах рек Колыма и Индигирка (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 356. Л. 1–2). В течение экспедиции члены археологического отряда посетили Аллаиховский, Нижне – и Верхнеколымский районы. При этом специализированные археологические исследования ранее проводились только в последних двух А.П. Окладниковым, в Аллаиховском же районе подобные изыскания были организованы впервые.

В низовьях Колымы ученые выполнили реконструкционные исследования в окрестностях населенных пунктов Колымское, Андрюшкино, Походск и Нижние Кресты. В местности Старый город, где в XVII – XVIII вв. располагался Стадухинский острог, ими был составлен план этого исторического памятника, а в береговой осыпи найдены фрагменты вооружения и предметов быта. Кроме того, исследователи очистили оклады двух домов, вскрыли могилу XVIII в. и составили их описание (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 8, 133–134). В селах Андрюшкино и Походск участники отряда также ознакомились с современной техникой обработки камня, используемой юкагирами и чукчами при изготовлении скребков, и зафиксировали ее (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 22–24).

В конце июня – июле ученые работали в Аллаиховском районе. Основной целью отряда здесь были поиски в окрестностях села Полярное чандалов – древних деревянных жилищ-полуземлянок. Принадлежность данных сооружений к какой-либо древней культуре на тот момент вызвала вопросы. Хотя автор широко известной книги «Старинные люди у холодного океана» В.М. Зензинов без сомнений называл строителями чандалов древних юкагиров [5, с. 28].

Свою работу участники отряда начали с опроса местных жителей, который позволил выяснить места нахождения чандалов, а также

существующие предания об обитателях данных жилищ и их материальной культуре. По итогам опроса ученые приступили к обследованию сооружений. Им удалось обнаружить целые поселения, которые насчитывали до 40 чандалов, располагавшихся на возвышенностях по берегам мелких протоков. Полной картины, включающей сведения о материальной культуре хозяев этих сооружений, археологам составить не удалось: почва ко времени изысканий оттаяла на глубину всего 15 см, а запаса времени и необходимого для таких условий инвентаря у исследователей не было [4, с. 92].

Основываясь на анализе исторических данных, рассказов местного населения и полученных при обследовании чандалов общих сведений, ученые пришли к выводу, что в этих сооружениях проживали «пешие», т. е. оседлые юкагиры, упоминавшиеся в документах XVII в. и исчезнувшие ко времени заселения края русскими (Архив РАН, далее – АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 11–14).

Другим важным результатом работы археологического отряда ЮКЭ в Аллаиховском районе стало открытие в 20 км от с. Ойотунг, расположенного в низовьях Индигирки, Бурулгинской стоянки неолитического человека. В ходе ее раскопок ученые обнаружили значительное количество каменного инвентаря (около 300 отщепов из сланца и халцедона, 8 скребков, 23 резца, 3 ножа и 36 наконечников стрел) и костного материала (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 10–14).

В Верхнеколымском районе была проведена археологическая разведка вблизи населенных пунктов Зырянка и Нелемное, а также по рекам Ясачная и Россоха. Здесь, как и ранее в ходе исследований А.П. Окладникова, археологи не обнаружили никаких следов древнейших культур человека. Одновременно, в юкагирских погребениях у поселка Нелемное они собрали краниологический материал – несколько черепов для последующего анализа их строения и сравнения с другими северными народами Советского Союза и аборигенами Северной Америки (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 8–9).

Несмотря на значительный фронт работ, проделанных участниками Юкагирской комплексной экспедиции, ее все же нельзя считать началом систематических археологических изысканий в арктических районах Якутии, так как после ее окончания вновь последовал период исследовательского «затишья».

Ситуация изменилась лишь после постепенного укомплектования штата ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР археологами и организации ими в 1964 г. ежегодной работы фундаментальной Приленской археологической экспедиции (ПАЭ). Исследователь истории развития археологического знания в Якутии Н.Д. Архипов считает это событие началом нового этапа в изучении освоения древним человеком данной территории [3, с. 72]. Бессменным руководителем ПАЭ, полевые исследования в рамках которой продолжались вплоть до конца первого десятилетия XXI в., являлся кандидат, а затем доктор исторических наук Ю.А. Мочанов.

Другим немаловажным фактором, как представляется, стало повышение транспортной доступности арктических районов Якутии, связанное с их активным транспортно-промышленным освоением в рассматриваемый период. Как отмечал по этому поводу И.С. Гурвич, «если раньше от Якутска до Верхоянска нужно было ехать два месяца, ... то теперь можно попасть ... за 2 часа» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 652. Л. 26).

Вместе с тем, первоначально изыскания участников ПАЭ были сконцентрированы в центральных, западных и южных районах Якутии. Арктические же районы продолжали в значительной мере оставаться «белым пятном» на археологической карте республики.

Первые исследования в рамках Приленской археологической экспедиции в Заполярной Якутии были проведены в 1968 г. В период со 2 июля до 10 августа археологическую разведку по реке Оленек от одноименного населенного пункта до села Таймылыр производили участники Оленекского отряда ПАЭ. В его состав входили: младший научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР И.В. Константинов (руководитель), студенты Якутского госуниверситета Ф.И. Новгородов и Н.Н. Решетников. Общая протяженность маршрутов, преодоленных исследователями, главным образом на деревянной лодке, составила около 1400 км. Основной целью изысканий было выявление и картографирование древних памятников деятельности человека для определения «характера будущих работ». Участники отряда при этом, как правило, ограничивались осмотром береговых отложений без проведения земляных работ («за исключением редких шурфов») (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН, далее – НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 1).

В ходе исследований были выявлены и нанесены на карту следы пребывания древних

людей в более чем 20 пунктах, 12 из которых получили достаточно подробное описание. Так, в ходе раскопок пяти шурфов на стоянке Оленек I, расположенной в черте современного административного центра Оленекского района, исследователи нашли сделанный из кремня неолитический инвентарь (2 наконечника стрел, наконечник копья, нож, 5 резцов, ступенчатое тесло, многочисленные отщепы и др.), на основании анализа которого осуществили ее датировку (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 2–16).

На стоянках Сенкю, Тирэхтээх, Абыналаах, Эсэгэлээх, Мэрчимдэн I, Нижне-Талоудская, Бороллуолаах, Керсюсе, Хотугуй Нойуо и Хорб-сусуонка I, а также в пункте Кюютинг участники отряда обнаружили около 30 фрагментов наконечников стрел, резцы, скребки, проколки, более 700 отщепов и 30 ножевидных пластин, 6 тесел, 37 нуклеусов, мотыгообразное орудие из рога северного оленя, 8 фрагментов керамики. Исследованные археологические памятники были отнесены к раннему, среднему и позднему неолиту, а также к бронзовому и раннему железному векам (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 16–59).

Подводя итоги проведенным изысканиям, И.В. Константинов отметил характерную для всех исследованных мест малочисленность культурных остатков, значительно менее богатых, чем «ленские, алданские и вилюйские». Данный факт ученый объяснил временным характером оленекских стоянок, обитателями которых были бродячие охотники. Этим же объяснялась и редкость обнаружения керамических изделий. Вместе с тем, по мнению И.В. Константинова, древние обитатели Оленека добились «больших успехов в обработке камня». В изготовлении орудий из этого материала они «достигли того же уровня, что и их соседи из других районов Якутии». Аналогичными большинству неолитических стоянок республики были и технические приемы производства керамики, используемые «оленекцами». На основании полученных сведений исследователь пришел к выводу о тесном контакте подвижного населения северо-западной Якутии эпохи неолита с Ленской культурной областью, а также о направлении заселения бассейна Оленека первобытными людьми, осуществлявшегося, по его мнению, с востока (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4166. Л. 59–62).

В 1970 г. участники ПАЭ проводили исследования в низовьях Колымы и на Малом Анюе.

При этом в бассейне последнего ранее никаких раскопок не проводилось и этот район, как отмечали Ю.А. Мочанов и С.П. Кистенев, оставался «белым пятном» на археологической карте Северо-Востока Азии, что «самым пагубным образом» влияло на возможность корреляции археологических памятников Якутии и Восточной Чукотки, а также определения границ распространения приленских культур (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7000. Л. 7). Исследователям удалось выявить 15 разновременных археологических памятников, самым древним из которых была признана отнесенная к палеолиту стоянка Майорыч [1, с. 92].

Как отмечалось выше, свой вклад в копилку археологического изучения Якутии вносили и геологи. Одним из ярких примеров этого является открытие в 1970 г. участниками экспедиции Геологического института ЯФ СО АН СССР во время размыва гидромойкой костеносного горизонта ставшего впоследствии знаменитым берелехского кладбища мамонтов.

В течение нескольких полевых сезонов, начиная с 1971 г., это место исследовалось отрядом ПАЭ под руководством Ю.А. Мочанова. Как отмечали участники изысканий, в процессе палеонтологических работ археологический памятник был сильно разрушен. Тем не менее, исследователям удалось обнаружить 127 каменных и 49 костяных обработанных древним человеком предметов, а также 1003 кости животных, являющихся, по их предположению, кухонными остатками [14, с. 52]. Более подробный анализ проведенных исследований, к сожалению, затруднен практически полным отсутствием отчетов Ю.А. Мочанова в Отделе полевых исследований Института археологии РАН, выдающим, как известно, открытые листы на проведение соответствующих изысканий.

В 1971–1973 гг. под руководством С.А. Федосеевой получило продолжение начатое в ходе Юкагирской комплексной экспедиции изучение Бурулгинской стоянки древнего человека. Здесь было выявлено три культурных слоя, относящихся к позднему неолиту [11].

В 1974 г. Янским отрядом ПАЭ (руководитель – Н.М. Щербакова, ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) были проведены пионерные археологические изыскания в бассейне Яны, которые, к сожалению, не позволили выявить стоянки древнего человека [15].

В том же году И.В. Константинов вновь возглавил исследования Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в

северо-западной Якутии. На этот раз разведкой был охвачен бассейн реки Анабар. В состав отряда, помимо руководителя, входили: аспирант ЯФ СО АН СССР С.И. Эверстов, студент Якутского госуниверситета И.С. Горохов и рабочий В.Н. Романченко.

В период с 6 по 20 августа исследователи на двух резиновых лодках прошли маршрут общей протяженностью 285 км из населенного пункта Делингде на Малой Куонапке до районного центра Анабарского района Саскылаха. Продолжить путь далее археологам помешали «сложные природные условия и слабая транспортная связь» (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 1).

Первые материалы участники отряда получили уже в Делингде. Здесь были найдены 9 кремневых ножевидных пластин и 18 отщепов. Аналогичные единичные находки были сделаны еще в 4 местах, сосредоточенных в 10-ти километровом радиусе от названного селения. Более содержательна оказалась открытая исследователями стоянка Эбэлээх, расположенная в 1,5–2 км ниже одноименной реки на правом берегу Анабара. На достаточно небольшом «пятачке» они обнаружили 37 ножевидных пластин, 34 отщепа, двухсторонне обработанный нож, 2 угловых резца, 2 нуклеуса и 2 отбойника (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 2–3).

Кроме того, археологи открыли и составили описание стоянки Сэмэлдьин (357 км от устья Анабара) и 3 пунктов: одного напротив устья р. Билээх на левом берегу Анабара и двух в окрестностях горы Эбэ-Хая. На территории этих памятников были найдены отщепы, ножевидные пластины, скребок, угловой резец, нож из кремня и наконечники стрел (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 4–7).

На основе полученных материалов И.В. Константинов осуществил предположительную датировку исследованных мест пребывания древнего человека, а также отметил их ключевые особенности – малочисленность культурных остатков и практически полное отсутствие керамики. Эта специфика была, по мнению ученого, как и в случае с «оленокцами», обусловлена высокой мобильностью населения Северо-Запада. Кроме того, И.В. Константинов установил и другие сходства памятников, исследованных в 1974 г. на Анабаре и шестью годами ранее на Оленьке: высокий уровень обработки камня и аналогичные другим районам Якутии приемы изготовления керамических изделий (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5700. Л. 18).

В августе-сентябре 1974 и 1975 гг. участники Приленской археологической экспедиции работали также на Индигирке, охватив своими исследованиями территории Момского и Оймяконского районов. Руководство изысканиями осуществлял сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.А. Кашин. Кроме него в состав группы входили рабочие С.П. Мунгалов и П.И. Карпов (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6385. Л. 1–3).

Основным результатом исследований стало открытие стоянок Юбилейный, Калядин и Кыйымыт. Среди найденных в ходе их раскопок предметов материальной культуры были различные кремневые отщепы, ножевидные пластины, чешуйки, нуклеусы, а также несколько ножей, наконечников стрел, скребков, вкладышей, резцов, проколка и долото. Характер стоянок и выявленный на них инвентарь позволили В.А. Кашину сделать вывод о подвижном образе жизни древнего населения исследованного ареала, обусловленном основной формой хозяйствования – охотой. Рассматривая проблемы датировки и культурной принадлежности обнаруженных археологических памятников, ученый отметил значительную специфику стоянки Юбилейный: аналогии с другими стоянками северной Якутии прослеживались «в рамках отдельных элементов, но не комплекса в целом», и она могла быть только предположительно отнесена к сылахской раннеолитической культуре. Стоянка Калядин же, по мнению В.А. Кашина, однозначно являлась памятником ымыяхтахской позднеолитической культуры (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6385. Л. 5–23).

В 1977 г. северный отряд ПАЭ продолжил начатые семью годами ранее работы в низовьях Колымы и на Малом Анюе. Под руководством лаборанта ИЯЛИ ЯФ АН СССР С.П. Кистенева были обследованы стоянки Пантелеиха I–VIII. Все они были расположены в зоне аэропорта Черский и подвергались в связи с производимыми там земляными работами интенсивному разрушению. На 7 стоянках исследователям удалось собрать подъемный археологический материал: 293 кремневых, кремнисто-сланцевых и халцедоновых отщепа, 7 обломков кремнистых желваков, 65 кремневых и кремнисто-сланцевых ножевидных пластин, 2 нуклеуса, кремневый нож, 12 каменных орудий (скребки, вкладыши, резцы и тесла) и 39 фрагментов керамики. Важнейшее место С.П. Кистенев уделил сопоставлению на основе полученных материалов выводов о датировке и культурной принадлежности стоянок с результатами изысканий 1970 г. – исследователь

установил, что оба комплекса данных находятся в хорошем соответствии друг с другом (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7000. Л. 1–6).

В следующем году участники северного отряда ПАЭ проводили исследования в низовьях Лены. В состав отряда входили сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР Н.Г. Багынанов (руководитель) и Н.М. Щербакова. Кроме того, исследователям был предоставлен катер «Наука» (капитан В.М. Таюрский, механик А.И. Беляев) (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7176. Л. 1–6).

Участники отряда открыли и составили описание 11 археологических памятников: стоянок Говорово (на берегу Лены в 423 км от ее устья) и Батыялах I–VIII (Оленекская протока), а также двух пунктов в местности Дюлюнг-Хая. При обследовании этих памятников археологи собрали подъемный материал: 85 отщепов, 5 пластин, 5 наконечников стрел, 2 резца, 6 скребков, обломок ножа и фрагменты различных предметов. По результатам изысканий Н.Г. Багынанов установил предположительную датировку найденных стоянок (поздний неолит) и их принадлежность к археологическим культурам (ымыяхтахская). При этом, как отметил ученый, выявленные памятники являлись самыми северными (72,5° с.ш.) на Лене и подтверждали гипотезу о том, что границы распространения различных приленских культур доходили до побережья моря Лаптевых (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7176. Л. 7).

В полевых сезонах 1978 и 1979 гг. археологические изыскания на севере Якутии осуществлял Нижнеиндигирский отряд ПАЭ. В первый год исследования проводили поступивший на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР С.И. Эверстов (руководитель), а также рабочие В.П. Гармел и А.И. Щеколдин. Основными задачами отряда было обнаружение археологических памятников, изучение их топографических особенностей, а также геолого-морфологических условий залегания культурных остатков в бассейне среднего и нижнего течения Индигирки на территории Абыйского и Аллаиховского районов. При этом, как отмечал С.И. Эверстов, если в низовьях Индигирки раньше уже проводились специальные экспедиции (позднееолитические стоянки Татьянино озеро, Уларовская, Бурулгино и палеолитическая Берелех), то бассейн ее среднего течения оставался «белым пятном на археологической карте». Маршрут преодолевался как пешком, так и на арендованной у местных жителей моторной лодке (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7178. Л. 1).

Первым объектом исследования стала котловина между реками Дружина (714 км от устья Индигирки) и Уяндина (635 км). Однако обнаружить здесь какие-либо следы стоянок древнего человека участникам отряда не удалось. Безуспешной оказалась и разведка, проведенная по берегам правых притоков Индигирки – Буор-Юрэх и Бадяриха.

Удача поджидала исследователей несколько северней – в 603 км от устья Индигирки в административном центре Абыйского района поселке Белая Гора. На его территории был собран подъемный археологический материал (отщепы и изделия из халцедона и кремня) и заложены два шурфа. В ходе раскопок участники отряда нашли сланцевый топор, комбинированное орудие из роговика, 2 клювовидных орудия из халцедона, 3 многофасеточных резца, 3 скребка, 2 наконечника стрел, 27 микропластин и 203 отщепа из халцедона, сланца, кремня и обсидиана, фрагменты каменных орудий и керамики. Обработка полученных материалов показала, что все они относятся к ымыяхтахской археологической культуре (II тыс. до н.э.). При этом сланцевый топор и комбинированное орудие были найдены на стоянках, относящихся к названной культуре, впервые (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7178. Л. 1–12).

В 4 км северо-западнее Белой Горы на левой стороне притока Индигирки реки Сутуруоха участники отряда обнаружили, сфотографировали и подробно описали наскальные рисунки, выполненные красной охрой и включавшие изображения человека, животных и различных бытовых сюжетов. Анализ степени сохранности, методов нанесения и состава композиций выявленных писаниц позволил С.И. Эверстову определить их примерную датировку (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7178. Л. 13–23).

Кроме того, в местности Крест, расположенной на правом берегу Индигирки в 145 км от ее устья, были собраны 18 халцедоновых и 5 кремневых отщепов. Провести здесь раскопки помешала погода – ко времени проведения изысканий земля уже оказалась промерзшей (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7178. Л. 23–24).

В 1979 г. археологические исследования на Индигирке получили продолжение. Изыскания вновь возглавил С.И. Эверстов, а помогали ему рабочие М.Н. Миронов и С.П. Сурнин. Передвижение участники отряда осуществляли на вертолете, моторной и резиновой лодках (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7880. Л. 1).

Работы начались с раскопок найденной в прошлом году стоянки Белая Гора. Исследова-

тели выявили 7 наконечников стрел, 8 скребков, 5 вкладышей, 4 резца, проколку, топор из кремнистого сланца, отбойник, 2 нуклеуса, более 70 кремневых, халцедоновых, роговиковых, обсидиановых и кремнисто-сланцевых пластин, 635 отщепов, 60 фрагментов керамики, а также обломки различных изделий древнего человека. Полученные материалы подтвердили принадлежность стоянки к ымыяхтахской культуре. При этом было установлено, что ее обитатели занимались исключительно охотой (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7880. Л. 8–16).

Из Белой Горы участники отряда отправились по Индигирке к находящемуся в 310 км выше по течению урочищу Крест-Майор. На данном участке, как отметил С.И. Эверстов, происходило интенсивное обрушение берега реки, в результате которого на поверхности зачастую оказывались кости плейстоценовых животных. Однако следов пребывания здесь древнего человека исследователям найти не удалось (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7880. Л. 4).

В начале августа отряд забросили в верховья реки Алазея, где был исследован прибрежный участок общей протяженностью в 500 км. На этом участке исследователи обнаружили стоянку древнего человека, расположенную в 1020 км по руслу реки от ее устья. В ходе изысканий были заложены два разведочных шурфа по 1 м² каждый. Из этих шурфов удалось извлечь 30 фрагментов керамики, скребок из халцедона, 111 халцедоновых, диабазовых и кремневых отщепов и провертку на халцедоновом отщепе. Их анализ позволил С.И. Эверстову прийти к заключению, что весь найденный комплекс также относится к ымыяхтахской археологической культуре II тыс. до н.э. (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7880. Л. 4–8). Следует отметить, что данная стоянка была первым археологическим памятником, выявленным в бассейне Алазеи.

В период с 19 июня по 18 июля 1978 г. разведочная группа Северного отряда ПАЭ снова проводила рекогносцировочные работы в бассейне реки Яна. В состав отряда входили: Н.М. Щербакова (начальник), рабочие А.Д. Кишкопаров и Д.С. Скрябин. Путешествие по маршруту Верхоянск–Нижнеянск, общая протяженность которого составила 853 км, осуществлялось на резиновой лодке с подвесным мотором. Как отметила Н.М. Щербакова, исследования проводились в крайне трудных погодных условиях: «...Весь маршрут сопровождался обильными дождями и частыми грозами. Уровень воды в Яне был намного выше обычного... Были зато-

плены уровни поймы и местами I надпойменная терраса». Очевидно, именно данный факт обусловил отсутствие успехов в обнаружении участниками поисковой группы археологических материалов (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7179. Л. 1–8).

В следующем году изыскания на Яне были продолжены. 22 августа – 13 сентября, вновь под руководством Н.М. Щербаковой, исследования на территории Верхоянского и Усть-Янского районов проводили участники Янской группы Первого отряда ПАЭ. В состав исследовательской группы также входили: сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.И. Козлов и рабочий А.Н. Анискин (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7616. Л. 3).

Из начального пункта работы экспедиции – Батагая, где была арендована моторная лодка, участники изысканий направились вверх по реке Яна. Однако, проследовав до Верхоянска, они не обнаружили никаких признаков нахождения в исследованном ареале стоянок древнего человека. После этого археологи приступили к спуску по реке. В местности Хатыстаах (835 км от устья Яны) они зафиксировали наличие археологического памятника – стоянки Хатыстаах I. На ней в результате сбора подъемного материала и закладки разведочного шурфа были извлечены 3 фрагмента керамики, наконечник стрелы и сечение ножевидной пластины. Аналогичная работа на стоянке Ньюлбугур-Айаана, расположенной еще в 16 км вниз по течению Яны, позволила выявить два фрагмента керамики, заготовку наконечника стрелы, 60 отщепов и несколько обломков каменного инвентаря. На основе полученных данных специалисты осуществили предварительную датировку названных стоянок: первая была отнесена к позднему неолиту (ымыяхтахская культура), вторая из-за «невнятности материала» к неолиту в общем (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7616. Л. 3–13).

В 800 км от устья Яны в местности Куранаах участники Янской группы Первого отряда ПАЭ открыли два археологических пункта. Кроме этого, на берегу Яны в интервале в 765–587 км от ее устья исследователи установили местонахождение еще 5 археологических памятников: стоянок Кэлимсэ, Омук, Мэкчиргэлэх, Кунаах I и II. Работы (подъемные и разведочные шурфирование) на этих стоянках позволили извлечь 7 отщепов, обломки наконечника стрелы и ножевидной пластины (НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7616. Л. 13–24).

В 1978 г. археологическую разведку бассейна р. Пантелеиха в низовьях Колымы осуществил отряд ПАЭ под руководством С.П. Кистенева. В результате были открыты стоянки Пантелеиха-Гора и Родинка эпохи позднего неолита [3, с. 92].

Таким образом, в рассмотренный в статье период началось систематическое археологическое изучение арктических районов Якутии. С конца 1960-х гг. и вплоть до последних лет сколь-либо длительных перерывов в этом процессе уже не наблюдалось. При этом ситуация не изменилась даже в чрезвычайно сложный для отечественной науки период рубежа XX и XXI вв. Важнейшим подспорьем в этом отношении, как представляется, стало появление в Якутии и последующее укомплектование необходимым кадровым составом собственной академической структуры – ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В этом отношении показательным, что все рассмотренные инициативы были реализованы при участии местных специалистов.

Проведенными в 1950-е – 1970-е гг. исследованиями оказались охвачены районы низовьев Лены, бассейнов рек Анабар, Оленек, Яна, Индигирка, Алазея и Колыма, т. е. практически все наиболее перспективные для поиска стоянок древнего человека в арктических районах Якутии ареалы, прежде являвшиеся фактически «белым пятном» на археологической карте Якутии. Большинство рассмотренных изысканий носило рекогносцировочный характер – даже в годы расцвета деятельности Академии наук СССР и резкого повышения транспортной доступности арктических районов Якутии проводить здесь масштабные исследования было проблематично как в финансовом, так и в организационном плане. Тем не менее, и в результате таких ограниченных по масштабам работ археологи получили ценнейшие сведения, позволившие выявить значительное число археологических памятников, коррелировать и синхронизировать их с культурами, выявленными ранее в других районах Якутии, и в конечном итоге органично вплести в общую канву истории заселения данной территории человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргунов В.Г. Каменный век северо-западной Якутии. Новосибирск: Наука, 1990.
2. Аргунов В.Г. Стоянка Оленек I – памятник каменного века Северо-Западной Якутии // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. С. 41–45.

3. Архипов Н.Д. Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII – XX вв.): дисс. ... д-ра ист. н. М., 2000.

4. Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др. Юагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск: Наука, 1975.

5. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914.

6. Зыков И.Е. Интерес к археологии в дореволюционной Якутии // Якутский архив. Вып. XV. Якутск, 1972. С. 164–167.

7. Кистенев С.П., Михалев В.М. Родинское погребение в низовьях Колымы // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. Новосибирск: Наука, 1981. С. 133–136.

8. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Новые данные о неолите арктической зоны Северо-Восточной Азии // Археология, этнография, источниковедение. Иркутск: Иркут. ун-т, 1979. С. 87–89.

9. Окладников А.П. Раскопки на Севере // По следам древних культур. М., 1951. С. 11–46.

10. Сарычев Г.А. Путешествия по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Географгиз, 1952.

11. Федосеева С.А. Новые данные о стоянках Усть-Чиркуо на верхнем Вилюе и Бурулгино на нижней Индигирке // Археологические открытия 1971 года. М.: Институт археологии АН СССР, 1971. С. 260–261.

12. Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980.

13. Эверстов С.И. Наскальные рисунки Сутуруохи – новый археологический памятник на Индигирке // Вопросы истории, языка, литературы (БНТИ ЯФ СО АН). Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 3–8.

14. Эверстов С.И. Памятники древних культур Нижней Индигирки // Общество, культура, образование. Кн. 1. М.: Рос. академия естествознания, 2014. С. 50–73.

15. Щербакова Н.М. Археологические памятники Яны // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 62–65.

REFERENCES

1. Argunov, V.G., 1990. Kamennyi vek severo-zapadnoy Yakutii [Stone Age of North-West Yakutia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

2. Argunov, V.G., 1986. Stoyanka Olenek I – pamyatnik kamennogo veka Severo-Zapadnoi Yakutii [Olenek I, a Stone Age site of North-Western Yakutia]. In: Arkheologicheskie i

etnograficheskie issledovaniya v Vostochnoi Sibiri (itogi i perspektivy). Irkutsk: Izd-vo IGU, pp. 41–45. (in Russ.)

3. Arkhipov, N.D., 2000. Arkheologiya Yakutii (istoriya, itogi, zadachi: XVIII – XX vv.) [Archeology of Yakutia (history, results, tasks: XVIII – XX centuries)], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

4. Gogolev, Z.V., Gurvich, I.S., Zolotareva, I.M. et al., 1975. Yukagiry (istoriko-etnograficheskii ocherk) [Yukagirs (historical and ethnographic essay)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

5. Zenzinov, V.M., 1914. Starinnye lyudi u kholodnogo okeana [Ancient people on the shores of the cold ocean]. Moskva: Tipografiya P.P. Ryabushinskogo. (in Russ.)

6. Zykov, I.E., 1972. Interes k arkheologii v dorevolutsionnoi Yakutii [Interest in archeology in pre-revolutionary Yakutia]. Yakutskii arkhiv. Vyp. XV. Yakutsk, pp. 164–167. (in Russ.)

7. Kistenev, S.P. and Mikhalev, V.M., 1981. Rodinskoe pogrebenie v nizovyakh Kolymy [Rodinka burial in the lower reaches of the Kolyma]. In: Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem. Vyp. III. Novosibirsk: Nauka, pp. 133–136. (in Russ.)

8. Mochanov, Yu.A. and Fedoseeva, S.A., 1979. Novye dannye o neolite arkticheskoi zony Severo-Vostochnoy Azii [New data on the Neolithic Age of the Arctic Northeast Asia]. In: Arkheologiya, etnografiya, istochnikovedenie. Irkutsk: Irkut. un-t, pp. 87–89 (in Russ.)

9. Okladnikov, A.P., 1951. Raskopki na Severe [Excavations in the North]. In: Po sledam drevnikh kul'tur'. Moskva, pp. 11–46. (in Russ.)

10. Sarychev, G.A., 1952. Puteshestviya po Severo-Vostochnoi chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu [Travels through the North-Eastern part of Siberia, Arctic Sea and the Eastern Ocean]. Moskva: Geografiz. (in Russ.)

11. Fedoseeva, S.A., 1972. Novye dannye o stoyankakh Ust-Chirkuo na verkhnem Vilyue i Burulgiно na nizhnek Indigirke [New data on the Ust-Circuo sites on the upper Vilyui and Burulgiно on the lower Indigirka]. In: Arkheologicheskie otkrytiya 1971 goda. Moskva: Institut arkheologii AN SSSR, pp. 260–261. (in Russ.)

12. Fedoseeva, S.A., 1980. Ymyyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoi Azii [The Ymyyakhtakh culture of Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

13. Everstov, S.I., 1980. Naskalnye risunki Suturuokhi – novyi arkheologicheskii pamyatnik na Indigirke [Suturuokha rock paintings – new

archaeological site at the Indigirka]. In: Voprosy istorii, yazyka, literatury (BNTI YaF SO AN). Yakutsk: YaF SO AN SSSR, pp. 3–8. (in Russ.)

14. Everstov, S.I., 2014. Pamyatniki drevnikh kul'tur Nizhnei Indigirki [Sites of ancient cultures of the lower Indigirka]. In: Obshchestvo, kul'tura,

obrazovanie. Kn. 1. Moskva: Ros. akademiya estestvoznaniya, pp. 50–73. (in Russ.)

15. Scherbakova, N.M., 1980. Arkheologicheskie pamyatniki Yany [Archaeological sites of the Yana]. In: Novoe v arkheologii Yakutii. Yakutsk: YaF SO AN SSSR, pp. 62–65. (in Russ.)